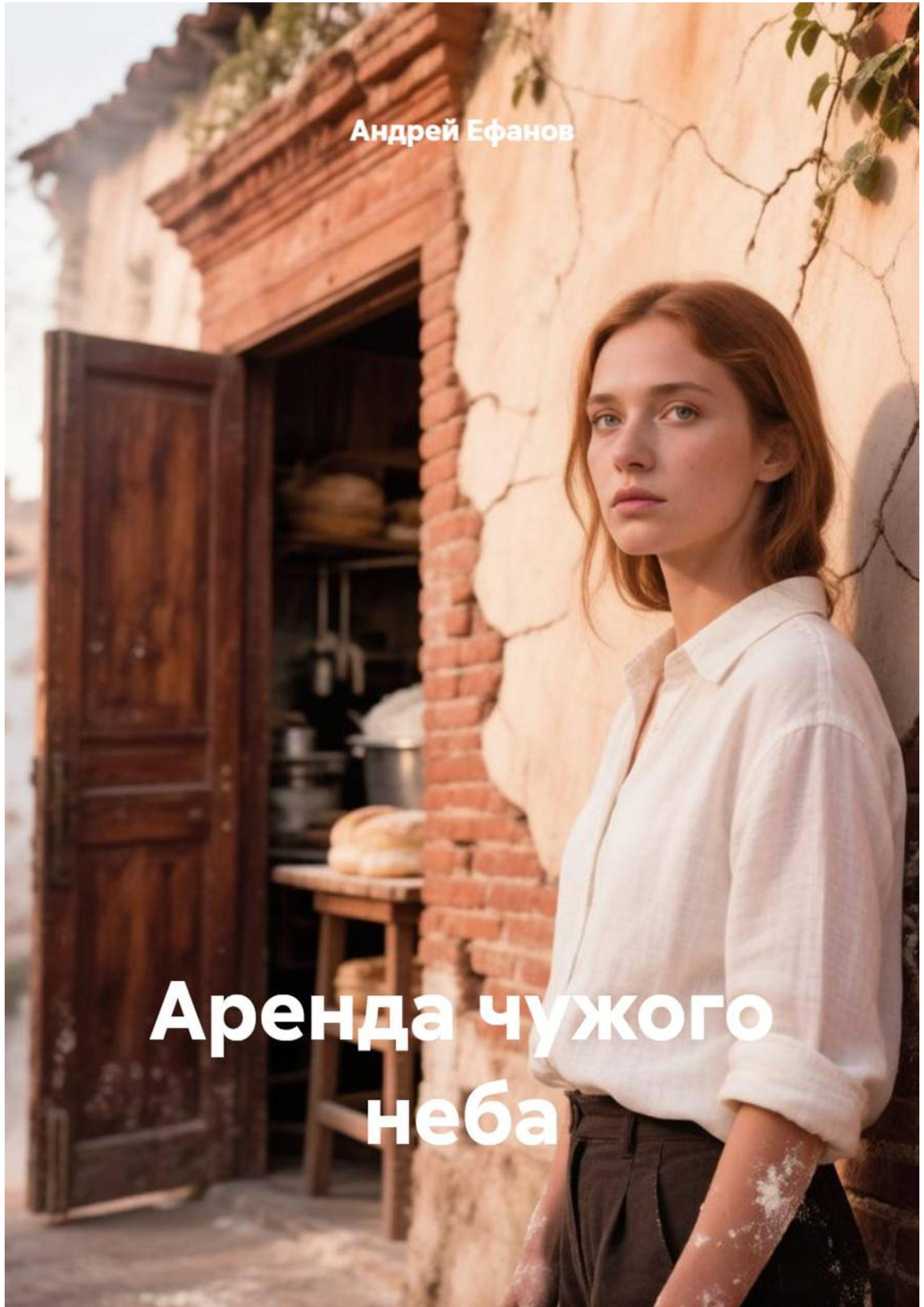

A woman with long, wavy reddish-brown hair and blue eyes stands in front of a rustic building. She is wearing a white, long-sleeved button-down shirt with the sleeves rolled up and dark trousers. Her arms are covered in white powder or flour. The building behind her has a red brick chimney and a weathered, light-colored wall with visible cracks. To the left, a large, dark wooden door is open, revealing a glimpse of the interior where a wooden table holds a loaf of bread and some kitchenware. The scene is bathed in warm, golden light, suggesting late afternoon or early morning. The overall mood is contemplative and artistic.

Андрей Ефанов

Аренда чужого неба

Андрей Ефанов

Аренда чужого неба

«Автор»

2026

Ефанов А.

Аренда чужого неба / А. Ефанов — «Автор», 2026

Юная дизайнер костюма из Германии сбегает от стерильной жизни родителей в Мексику, где открывает гаражную пекарню. Когда её идеальные паровые булочки становятся настолько популярными, что бизнес требует расширения, героиня понимает: масштабирование убьёт магию. Вместо покупки современного цеха она пробивает дыры в стенах своего старого гаража, чтобы впустить дождь и ветер — единственные ингредиенты, способные сохранить душу хлеба. Эта история о том, что истинная архитектура — это умение создать пространство внутри себя, способное выдержать любое внешнее давление.

© Ефанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	12
6	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Аренда чужого неба

1

Снег за окном падал с математической точностью, свойственной только северным широтам. Каждая снежинка находила свое место на брусчатке внутреннего двора Франкфурта, заполняя микронные зазоры между камнями до состояния абсолютной, стерильной плоскости. Сюзи смотрела на этот процесс уже сорок минут, не моргая. В кабинете отца — который он великодушно уступил ей для «обдумывания карьерных перспектив» — пахло влагой после недавнего дождя и старым бумажным клеем.

На полированном столе из орехового дерева лежал диплом. Плотная картонная папка цвета слоновой кости. Тисненные золотые буквы: Hochschule für Gestaltung. Факультет моды. Дизайн костюма.

Тишина в доме имела вес. Она давила на барабанные перепонки, заставляя слышать собственное кровообращение. За стеной, в родительской спальне, мерно дышала мать. Этот звук был синхронизирован с гудением холодильника Liebherr на кухне. Идеальная частота. Немецкая синусоида покоя. Завтра утром отец отвезет ее в офис архитектурного бюро KSP Engel und Zimmermann. Стажировка младшего архитектора. Корпоративная квартира в районе Вестэнд. Брак с сыном партнеров через два года, потому что у мальчика хорошая наследственность и правильный прикус. Ее тело было уже вписано в эту геометрию, как деталь в чертеж.

Сюзи протянула руку. Пальцы не дрожали. Она взяла тяжелую латунную пепельницу со стола отца — массивный куб, внутри которого навсегда застыл сизый налет чужих решений — и медленно, методично раскрошила корешок диплома. Картон поддавался с сухим, приятным треском, похожим на хруст суставов. Золотое тиснение осыпалось серой пылью на темное сукно.

Она встала. Прошла по персидскому ковру босиком, чувствуя жесткий ворс. Одежда ждала ее на кресле: черный кашемировый свитер, джинсы, которые стоили как месячная аренда их гаража. Никаких сумок. Только старый брезентовый рюкзак, с которым она еще студенткой ездила на выставки в Базель. Внутри — смена белья, паспорт, пачка наличных, снятых вчера через три разных банкомата, и ключ от машины.

В подземном паркинге пахло резиной, бетоном и холодом. Volkswagen Transporter T3 1984 года выпуска стоял в самом дальнем углу, зажатый между новым Porsche Cayenne матери и коллекционным Jaguar E-Type соседа. Ржавчина на порогах фургона выглядела здесь как грязное ругательство, нацарапанное гвоздем на мраморе.

Сюзи открыла дверь. Салон встретил запахом старой кожи, пыли и чего-то неуловимо дикого — запаха свободы, который невозможно синтезировать химически. Она бросила рюкзак на пассажирское сиденье. Ключ вошел в замок зажигания туго, сопротивляясь. Стартер кашлянул раз, другой, выплюнув облако сизого дыма. На третий раз дизельный мотор схватился. Старый автобус затрясся мелкой, жизнеутверждающей дрожью.

Стрелка тахометра плясала где-то внизу, пытаясь найти ритм. Сюзи включила первую передачу. Резина проскользнула по мокрому бетону, оставив две черные полосы. Она выехала на улицу Гёте, повернула на восток, мимо спящих витрин бутиков, окна которых были заложены изнутри толстыми деревянными щитами, словно веки спящего великана.

Граница города встретила ее равнодушным зеленым щитом с перечеркнутым названием. Снегу снаружи стало больше. Дворники скрипели, размазывая белизну по стеклу. Внутри фургона становилось теплее — старая печка наконец проснулась и начала дышать сухим, пыльным жаром.

Сюзи положила обе руки на холодный обод руля. Верхний хват. Правильная посадка. Она посмотрела в зеркало заднего вида. Огни Франкфурта давно растворились в молочной пелене. Там, позади, осталась комната, которая была лишь увеличенной копией дипломной папки — такая же белая, плотная и абсолютно пустая внутри. Здесь, внутри старого железа, места тоже было мало. Но это пространство двигалось. Оно вибрировало. И оно принадлежало только ей.

2

Пустыня Атакама высасывает влагу из глаз. Чтобы моргнуть, нужно приложить физическое усилие — опустить веки навстречу сухому, колючему трению роговицы. Сюзи стояла перед открытой дверцей фургона. Ноги утопали в красной пыли по самые лодыжки. Ботинки, купленные когда-то в дорогом аутлете Дюссельдорфа, теперь напоминали артефакты мертвой цивилизации, покрытые сплошной коростой соли и грязи.

Рядом, на раскладном алюминиевом столике, дымилась походная газовая горелка. Над ней возвышалась бамбуковая пароварка. Из-под крышки валил густой, влажный, мучительно пахнувший дрожжами пар. Он мгновенно высыхал в сухом воздухе пустыни, оставляя на металле белый солевой налет.

— Нет, — сказала Сюзи вслух. Голос прозвучал плоско, без эха.

Она подняла крышку. Внутри, плотно прижавшись друг к другу боками, лежали тридцать булочек бао. Они были плоскими, как лепешки бедуинов. Тяжелые, клеклые диски мертвого теста. Идеальные памятники провалу.

Три недели назад, еще в предгорьях Анд, тесто поднималось идеально. Оно пузырилось под руками, живое, дышащее, полное надежд. Но чем выше она забиралась в Анды и чем дальше уходила в сторону чилийского плато, тем более вялым становился глютен. Булочки перестали расти. Они просто сохли, превращаясь в пресный хлеб.

Сюзи села прямо на горячую землю, скрестив ноги. В кармане штормовки завибрировал спутниковый телефон. Мать. Раз в месяц, строго по календарю. Сюзи дождалась третьего гудка и сбросила вызов. Денег на ответ все равно не было — минута связи стоила дороже ужина. Да и говорить было не о чем. География изменилась, но текстура материнского разочарования оставалась прежней: плотной, гладкой и непроницаемой.

Она снова посмотрела на свои ладони. Кожа на костяшках потрескалась. Под ногтями — вечная чернота. Раньше эти руки рисовали эскизы струящегося шелка, чувствовали разницу между итальянским хлопком Pima и обычным гребенным. Теперь они месили муку, замешанную на технической воде из канистр.

Холод наступал быстро. Как только солнце ушло за край плато, температура рухнула на пятнадцать градусов за десять минут. Сюзи достала из кармана маленький блокнот в кожаном переплете — остатки прошлой жизни. На последней странице карандашом был выведен график. Ось X — высота над уровнем моря. Ось Y — объем подъема теста. Линия стремилась к нулю.

Проблема была не в дрожжах. Проблема была в отсутствии сопротивления. Дома, во Франкфурте, тесто всегда упиралось в потолок миски, в полиэтиленовую пленку, в ожидания родителей. Оно росло вопреки. Здесь, в вакууме высокогорья, ему не во что было упираться. Воздух был слишком разреженным, чтобы держать форму.

Она зачерпнула пригоршню красной пыли. Песок тек сквозь пальцы, тяжелый и теплый.

Сюзи вернулась к столу. Открыла новый пакет муки. Она изменила физику процесса. Вместо того чтобы ждать, пока тепло сделает работу, она добавила в замес ледяной воды из растопленного снега. Температура теста упала почти до нуля. Замедление метаболизма. Анабиоз.

А затем она начала месить его голыми ладонями, вкладывая в каждый удар кулаком собственный вес. Она не отпускала тесто. Она придавливала его к столу всей массой своего тела, имитируя гравитацию, которой этой земле так не хватало.

Булочки получились странными. Низкими, приплюснутыми, с грубой, почти каменной текстурой дна. Но когда она разломила одну зубами, внутри обнаружилась идеальная, пористая, пружинящая полость.

Тесто выжило, научившись использовать давление рук вместо давления воздуха. Это была первая честная еда в ее жизни.

3

Дорога имеет свою собственную анатомию. Она состоит не из километров, а из вибраций. Через год пути Сюзи перестала чувствовать границу между своим телом и машиной. Педаль сцепления отзывалась тупой болью в левом колене. Выжим газа отдавался тремором в диафрагме. Спина ниже лопаток превратилась в один сплошной узел из сведенных мышц, реагирующий на каждую яму в асфальте Панамериканского шоссе.

Минивэн стал ее экзоскелетом. Железной маткой, защищающей от мира. Пространство внутри делилось на зоны с аптекарской точностью. Зона сна: гамак, натянутый диагонально от водительского сиденья к задней двери, чтобы компенсировать качку. Зона кухни: пропановый баллон, ящик с посудой, мешки с мукой, которые приходилось перекладывать каждую тысячу миль, иначе они прессовались в камень. Зона памяти: бардачок, забитый мхом, засохшими насекомыми, билетами на несуществующие паромы и одной-единственной фотографией. На фото она стоит на выпускном факультете моды. Асимметричное платье сложного кроя, которое она спроектировала сама. Улыбка человека, который знает правила игры.

Платье осталось висеть в шкафу франкфуртской квартиры. Вместе с эскизами. Сначала Сюзи пыталась рисовать в дороге. Достала любимый скетчбук Moleskine, линеры разной толщины. Поставила фургон на обочине перуанского серпантина, откуда открывался вид на облачный лес.

Ручка дрогнула на первой же линии талии.

Линия получилась неуверенной, ломаной. Дорога передавала свой тремор через руль, через раму кресла, прямо в запястье. Невозможно нарисовать драпировку ткани, когда твои собственные мышцы постоянно компенсируют уклон земли.

Она закрыла скетчбук. Больше она не рисовала платья.

Зато однажды ночью, на границе Боливии, когда термометр упал ниже нуля, а в салоне пошел пар изо рта, сломалось крепление багажника на крыше. Металлический лязг разорвал тишину пампасов. Запаска, палатка и канистра с водой съехали набок, грозя сорвать петли задней двери.

Запчастей не было в радиусе пятисот километров. Ждать попутку можно было неделю.

Сюзи полезла под сиденье. Там, завернутый в промасленную холстину, лежал механизм, который она возила с собой скорее как талисман. Ручная швейная машинка «Зингер». Черный чугун, литая станина, деревянный футляр. Вес около десяти килограммов. Чистое немецкое железо, пережившее две мировые войны и десяток владельцев.

При свете налобного фонаря, сидя на ледяном полу фургона, она собрала машинку. Смазала заржавевшие узлы остатками подсолнечного масла. Прodela суровую капроновую нить. Вместо ткани она подложила сложенный вчетверо кусок армейского брезента.

Ножной привод заклинило. Пришлось крутить ручку маховика рукой. Скрип металла о металл звучал в ночи как крик умирающего животного. Но игла пошла вниз. Проколола толстую кожу брезента. Поднялась. Захватила челнок.

Шов ложился неровно. Шаг петлял. Но это была связь. Физическая сцепка двух кусков материи.

К утру крепление было починено. Стежки выглядели грубо, по-шрамовому, но держали намертво.

Сюзи посмотрела на свои руки. Суставы пальцев распухли от холода и непривычной нагрузки. Она поняла главное отличие дизайна одежды от инженерии выживания. Платье должно быть красивым снаружи. Крепление багажника должно работать изнутри.

Ее чувство формы никуда не исчезло. Просто вектор эстетики развернулся на сто восемьдесят градусов. Теперь она конструировала не то, что люди видят, а то, что позволяет им оставаться в живых.

4

Сан-Кристобаль-де-лас-Касас принял ее туманом. Не тем прозрачным утренним маревом, которое красиво рассеивается к девяти часам. Это была густая, осязаемая взвесь из влаги, древесного дыма и запаха мокрой вулканической породы. Туман съедал звуки. Гудок автомобиля здесь звучал как вздох утопленника.

Сюзи остановила фургон на окраине, там, где асфальт переходил в рыжую грязь. Мотор заглох с глубоким, удовлетворенным выдохом, прокатившимся по выхлопной трубе. Она вышла наружу. Резиновые сапоги погрузились в почву по самую щиколотку. Земля дышала. Она была теплой, живой, пульсирующей. После месяцев высокогорного холода и сухой смерти Атакамы эта влажность казалась актом агрессии.

Дом, который она купила на последние деньги (переведенные матерью тайком от отца), официально числился гаражом. По факту это был бетонный короб четыре на шесть метров с проломом в стене, куда предыдущая жизнь забыла вставить ворота. Крыша состояла из ржавых листов профнастила, скрепленных проволокой. Когда начинался дождь — а начинался он здесь ежедневно в четыре пополудни — вода собиралась в центре потолка и падала точно в центр комнаты.

Первые три ночи Сюзи спала в гамаке, привязанном между рулем фургона и бетонной колонной, стараясь угадать траекторию капель. На четвертую ночь она сдалась. Выкатила машину на улицу. Расстелила спальник прямо на бетоне, подставив лицо под ледяную воду. Вода пахла железом и небом.

Утром туман начал редеть. Лучи солнца пробили крышу в сотне мест, превратив серый пол в золотую решетку. Сюзи встала. Тело ныло от жесткой постели, но впервые за долгие годы позвоночник чувствовал себя прямым. Ему больше не нужно было амортизировать удары дороги. Пол был неподвижен. Эта горизонтальность оглушала.

Она открыла задние двери фургона. Оттуда пахло домом. Специи, мука, запах нагретого пластика. Она привезла с собой всё. Кроме права называться архитектором или дизайнером. Здесь она была никем. Очередной белой девочкой с разбитым микроавтобусом, приехавшей искать духовность в Мезоамерике.

Сюзи подошла к пролому в стене. Посмотрела на улицу. Город просыпался медленно, вязко. Торговцы несли на головах корзины с хлебом пан дульсе, звонкие голоса детей разрезали влажный воздух. Никто не смотрел на ее гараж. Никому не было дела до ее немецкого диплома или высоты над уровнем моря, которую она пережила.

Она глубоко вдохнула. Легкие расправились, впуская в себя чужой кислород. В нем было слишком много всего: гниющих листьев, жареного кофе, человеческого пота, озона. Этот воздух нельзя было измерить приборами. Его можно было только выпить.

Сюзи улыбнулась. Уголки губ потрескались от ветра. Она почувствовала, как внутри живота, там, где раньше жила только тревога одиночества, начинает шевелиться что-то теплое и голодное.

Земля Сан-Кристобаля требовала веса. Она требовала присутствия.

Сюзи закатала рукава фланелевой рубашки, обнажая худые, загорелые предплечья, испещренные мелкими шрамами. Она шагнула внутрь гаража, взяла лопату и начала расчищать угол под печь. Каждое движение вонзало каблук резиновых сапог в мягкую землю, оставляя глубокий, осмысленный след.

5

Очередь начала формироваться в четыре утра, когда туман еще цеплялся за брусчатку площади Кармен липкими щупальцами. Первыми пришли пекари из соседних домов — люди с лицами цвета старой меди и руками, которые знали о тесте больше, чем университетские профессора Сюзи. Они молча кивали ей как хозяйке территории и садились на корточки прямо у стены ее гаража, закуривая дешевые крепкие сигареты. Дым смешивался с утренней сыростью, создавая запах абсолютного покоя.

К шести часам появились экспаты. Американцы из Техаса с обгоревшими шеями, французы-эскаписты, сбежавшие от парижской депрессии, пара бледных айтишников из Гвадалахары с красными глазами. Они жались друг к другу, перетаптываясь, пытаясь согреться кофе из пластиковых стаканчиков. Их одежда была дорогой, но выглядела так, словно ее уже погрызла моль безнадежности.

Сюзи работала внутри бетонной коробки. Здесь было жарко до одури. Температура поднималась не от печи — та пока только прогревала чугунные стенки котла — а от самой концентрации человеческого желания. Люди снаружи хотели есть. Не просто утолять голод, а получить инъекцию чего-то настоящего.

Она стояла над алюминиевым чаном. Руки по локоть в муке. Вода накануне вечером была собрана дождевая, пропущенная через марлю — она пахла шифером и пылью. Сюзи добавила кусок живой закваски, который берегла как ампулу с вирусом жизни. Замес начался.

Это был не механический процесс. Это была борьба. Тесто сопротивлялось пальцам, оно пыталось остаться вязкой, аморфной массой. Но Сюзи знала его анатомию. Она чувствовала момент, когда молекулы глютена начинают выстраиваться в нити. Сначала они рвались, как гнилые нитки. Затем, под ритмичным давлением ее ладоней, они начали пружинить. Звук изменился. Шлепанье влажной массы о дерево стало звонким, упругим. Тхак-шшш. Тхак-шшш.

В семь часов она включила газ. Старый баллон издал тихий свист, переходящий в утробный гул. Вода в пароварке забулжила не сразу — высокогорье требовало своего налога временем. Когда первый каскад густого, белого, обжигающего пара ударил вверх, толпа снаружи синхронно выдохнула. Этот звук напоминал начало церковной службы.

Первая корзина бао опустилась в бамбуковый ярус. Крышка захлопнулась со звуком запечатываемой гробницы.

Запах вырвался наружу мгновенно. Он обогнал физику распространения газов. Запах дрожжей, карамелизирующегося лука, умами грибного соуса и едва уловимая нота копченого перца чипотле, которую Сюзи выменяла у старого сапожника дона Эмилио на починку его швейной машинки.

Дон Эмилио сидел напротив со своей кукурузой. Он приоткрыл один глаз, посмотрел на поднимающийся дымок и снова задремал. В его позе не было ни капли суеты. Он охранял это утро.

Люди начали получать свои булочки. Бумажная салфетка промасливалась насквозь за секунду. Сюзи брала деньги — потрепанные песо, иногда доллары — и опускала их в старый кофейник без крышки, даже не считая. Арифметика мешала текстуре момента.

Она видела лица. Человек откусывал горячую булочку, обжигая язык, и замирал. Глаза закатывались. Плечи, сведенные городским стрессом, падали. На три минуты, пока длился процесс поглощения теста, эти люди переставали быть туристами, беженцами или цифровыми кочевниками. Они становились просто ртом, желудком и нервной системой, принимающей сигнал: «Ты в безопасности. Всё хорошо».

К девяти часам солнце пробило туман. Сразу навалилась жара. Пот струился по позвоночнику Сюзи, заливал глаза, капал с кончика носа прямо в тесто. Ей было все равно. Ее тело превратилось в придаток печи. Роботизированный узел замеса и лепки.

Когда последняя булочка из первой партии легла на салфетку, а последний клиент ушел, блаженно мыча и похлопывая себя по животу, Сюзи выключила газ.

Наступила тишина. Только шипел остывающий металл и где-то далеко звонил колокол церкви Святого Доминико. Сюзи села прямо на бетонный пол, привалившись спиной к горячей стенке котла. Ноги отказывались держать вес. Ладони горели так, словно она голыми руками доставала кирпичи из огня.

Но внутри было пусто и легко. Впервые за десять лет скитаний пространство вокруг нее наполнилось смыслом, который создали ее собственные руки. Ларек-микроавтобус перестал быть средством передвижения. Он стал точкой гравитации.

6

Проблема плотности времени настигла ее ровно через сорок два дня.

Математика предательства всегда выглядит банально. У нее было две корзины-пароварки. По двенадцать булок в каждой. Итого двадцать четыре. Цикл приготовления — от замеса до готовности — занимал девяносто минут. Девяносто минут непрерывной работы в условиях сауны.

Донна Изабель, владелица соседней кофейни, вышла на порог чистить медную кофемашину и крикнула:

— Сюзи! Radio Milenio передает. Про тебя написали путеводитель Lonely Planet. И какой-то блогер выложил видео в TikTok. Там миллион просмотров, дорогая. Поздравляю!

Поздравления закончились к десяти утра. Очередь выросла вдвое. Она заворачивала за угол здания почты и терялась где-то возле автобусной остановки.

Сюзи вошла в состояние транса. Руки двигались быстрее нейронных связей. Взять комок теста. Отвесить ровно шестьдесят граммов на старых механических весах. Скатать шар. Положить на квадрат пергамента. Придавить тяжелой фарфоровой печатью с вырезанным лотосом — наследство от бабушки, которое чудом выжило во всех землетрясениях переезда. Опустить в корзину. Следующая.

Пальцы покрылись сетью мелких, незаживающих трещин. Мука въедалась в раны, превращая кровь в серое клейкое тесто. Спина сгорбилась навсегда. Между лопаток пульсировал горячий гвоздь.

Люди подходили к окошку. Лица сливались в одну белую маску ожидания.

— Две с грибами. Одну сладкую.

— Острая осталась?

— Девушка, можно побыстрее? У меня встреча.

Встреча. Слово вонзилось в висок раскаленной иглой. Встречи, дедлайны, графики эффективности. Эти люди принесли свою корпоративную тревогу сюда, в ее гараж, и теперь требовали обслужить ее с той же скоростью, с какой им приносили латте в Starbucks. Они смотрели на ее руки,двигающиеся как поршни сломанного двигателя, и видели лишь функцию. Механизм выдачи счастья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.